

УДК 316.74

Образовательный аспект пространства памяти

В. А. Ручин

Ручин Владимир Алексеевич, кандидат философских наук, директор Китайского центра, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., r-vl@yandex.ru

В статье с позиций идеальной сферы человека представлен философский анализ пространства памяти и роли воспоминаний в формировании ценностных установок. Фокус анализа направлен на коммуникацию молодых людей с близкими – участниками войны. Такое взаимодействие – по существу иррациональный акт, определяющий специфику последующего отношения к историческим событиям и закладывающий основы идентичности. Экзистенциальный смысл этого акта определен антропологическими качествами человека, в том числе механизмом его памяти. Автором предпринята попытка выделить в этом механизме ключевой элемент, устанавливающий связь человека и общества, где индивидуальная память есть преимущественно иррациональное, внутреннее, а социальная память – рациональное, общепризнанное. Выделение границы рационального и иррационального позволяет приблизиться к раскрытию образовательного аспекта механизма памяти. Образование и память интенциональны, свойственны любому индивидууму, который, опираясь на них, осуществляет процесс познания бытия. Внутреннее же бытие, самобытие есть особая внутренняя жизнь личности, определяющая восприятие мира, выраженного единством с другими людьми. Формулируется вывод, согласно которому социальная память есть результат особой интеграции личного опыта и со-переживаний человека общественным представлениям, в том числе по проблемам Войны и Мира.

Ключевые слова: пространство памяти, образование, механизм памяти, внутреннее бытие, индивидуальная и социальная память.

Поступила в редакцию: 05.02.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-159-163>

Празднование 75-летнего юбилея Великой Победы проходит на фоне немотивированной ненависти к победителям, что создает в глобальном социуме ситуацию нестабильности и риска [1, с. 95–101]. Национальный эгоизм элит отдельных стран инициирует манипуляцию информационными потоками в целях редактирования социальной памяти и деформации здорового метафизического инстинкта. Синтетическая религиозность определенной части Запада есть выражение неприязни к исторической роли Красной Армии в деле освобождения Европы. Искусственно, посредством различных социологических инстру-

ментов и набора политологических приемов в мировое информационное пространство запущен вирус пересмотра итогов Второй мировой войны. Для молодого поколения такое противостояние – большое испытание, вызывающее потребность в социальном иммунитете, сосредоточенное в сфере образования и пространстве памяти, ставших полями битвы за будущее отдельного человека и человечества в целом.

Пространство памяти рассматривается нами как устойчивое мировосприятие и миропонимание человеком прошлых исторических событий, структура ценностно-смыслового содержания памяти. Идеальная среда становления личности, «сфера образования в широком смысле» [2, с. 35–41] тесно соединены с воспоминаниями. В рамках анализа поставленной темы предпринята попытка понять роль воспоминаний близких – участников войны в функционировании памяти молодого поколения.

Обращение к образованию как философской категории сегодня особо востребовано, когда «вопреки претензиям концепции прогресса и исторической реальности постоянно проявляются черты регресса и кругового движения» [3, с. 9], что вызывает острую потребность с высоты идеалов духовной культуры понять механизм памяти.

Образование как феномен в его изначальном значении есть выражение доэмпирического опыта сознания и наличия в нем смысловой нацеленности на жизненный путь. Таким образом, в понятии «жить» отсутствует материальный, но присутствует идеальный смысл, предполагающий «культуротворящую жизнь в единстве определенной историчности» [4, с. 101–116]. Следовательно, направленность сознания в процессе образования есть выражение его главного качества – преобразующей силы идеальных установок.

Память, как и образование, интенциональна и имплицитно присуща человеку в ходе процесса познания и самопознания. То есть «самопознание или самосознание, – знание внутреннего содержания того субъективного мира,

который в широком смысле слова мы называем нашей жизнью» [5, с. 761], позволяет личности, опираясь на память, постоянно развиваться согласно поставленной цели. Память выражает субъективное единство внешнего предметного мира. Без памяти невозможно развиваться, так как развитие всегда идет от определенной прошлым точки, без образования же невозможно существование человека, так как образование есть пространство выражения и цели развития, и смысла существования.

Сфера идей конкретного человека скреплена его волевыми усилиями. Это и есть тот самый субъективный, определяющий будущее «мирок», который мы трактуем как внутреннее бытие, «образование в узком смысле» [2, с. 35–41]. В этом внутреннем бытии субъективность есть главный фактор мировоззренческих установок, в том числе при оценке предметного мира. Селекция приоритетных представлений, предлагаемых социумом, осуществляется сугубо лично, на основе самобытности внутреннего мира, который не имеет прямой связи с внешним миром. Связь осуществляется посредством переживаний настоящего, на основании ранних впечатлений и установок, т. е. интуитивно.

Внутреннее бытие человека, его объективно-субъективная деятельность перманентно находятся в состоянии экзистенциальной неопределенности, трансформирующейся в ключевой фактор повседневности – рискогенность [6, с. 165–170]. Опасность рисков на фоне новых вызовов социума бесконечно погружает личность в глубокие переживания, связанные с жизненным выбором, обновлением воззрений, а следовательно, требует дополнительных волевых усилий.

Подчеркнем, что личное переживание событий есть мощный импульс осознания происходящего, по существу именно такое переживание создает неповторимое восприятие жизни. Однако дальнейшее рациональное осмысление событий представляет собой свободную интерпретацию пережитого, логически оформленную в концепцию вновь и вновь открываемого человеком мира. Понятие «память в образовании» позволяет обосновать некую внутреннюю деятельность, оформляющую пережитое логически и раскрывающую сущность бытия как такового.

Таким образом, в процессе проживания бесконечного потока событий человек, растворенный в повседневности, посредством слова обозначает все новые и новые открываемые им смыслы, представляя их как некоторую существующую во внешнем мире вещь. Анализ памяти и образования позволяет обнаружить сущее в «аспекте того, чем сущее как таковое по своему

устройству является» [7, с. 83]. Личность в своих воспоминаниях постоянно пребывает в состоянии нелогичного, интуитивного, переживания, т. е. акт восприятия завершается преобразованием в некую идею, созидательную по сути. В каком-то смысле в обычной жизни идут непрерывная проверка и сверка личного восприятия повседневности, соответствия нового ценностного бытия уже сложившимся установкам в социальной памяти.

Здесь необходимо подчеркнуть важнейшее антропологическое качество человека – потребность веры и откровения, которые непрерывно гармонизируют внутренний мир ощущением истинности. Вера и откровение есть потребности человека и выражение его экзистенциальных, первородных качеств. Эти качества прямо связаны с образованием и выполняют ведущую роль в определенной модели самовоспитания.

В то же время объединенная единими целями, социальная память – продукт деятельности общества и результат социокультурной традиции – диктует ориентиры в условиях меняющегося мира. В этой связи «возникает существенный вопрос, касающийся более четкого различения» индивидуальной памяти и коллективной памяти как совокупности общих воспоминаний [8, с. 13]. Вначале субъективные, окрашенные чувством воспоминания систематизируются, а затем на основе имеющихся знаний человек обосновывает действительность. Следующий этап восприятия реальности – это этап внутреннего признания коллективных установок. На этом этапе мы можем выделить границу, соединяющую личность и социум. Пространство памяти, с одной стороны, субъективное, а с другой – коллективное, общепризнанное. Выделение этой границы – границы рационального и иррационального – позволяет приблизиться к раскрытию механизма социальной памяти.

Переосмысление человеком своих мировоззренческих установок – процесс непрерывный, неразрывно связанный с внутренним существованием личности. Такие понятия, как «коллективная память», «историческая память», «культурная память», по существу нарративы различных уровней трактовки, созданных посредством систематизации идей, рожденных различными условиями познания. И те и другие понятия – не что иное, как идеальная сфера, «небосвод» господствующих представлений, нависающий над внутренним бытием личности и в каком-то смысле непрерывно искушающих его конъюнктурным характером действий. Трансцендентальность сферы образования постоянно взаимодействует с ситуативностью повседневной жизни, имманентно образуя отстаиваемые личностью смыслы.

Современный исследовательский дискурс исторической памяти реализуется, как правило, в рамках конструктивистского подхода с различными вариантами трактовки предмета прошлого. Этот дискурс объединен понятием «презентизм», из которого проистекает, что любое представление о прошлом следует рассматривать как представление, обусловленное социальным, политическим и культурным содержанием и в которое «включено современное общество, выступающее субъектом сохранения прошлого» [8, с. 11].

Феномен прошлого исследован М. Хальбваксом, который по-новому расставил акценты в изучении прошлого, совершив переход от необходимости простого описания исторических фактов к памяти об ушедших событиях. По существу им сделан важный шаг к раскрытию алгоритма исторической памяти, хотя, как заявляли его критики, у него отсутствовал анализ «механизмов передачи исторической памяти» [9, с. 19]. По его мнению, в основе этого механизма лежит личное воспоминание. Так, говоря об отдельных воспоминаниях, например в рамках сновидений, он утверждает, что они «не что иное, как образы, сохраняющиеся неизменными с того самого момента, как они впервые внедрили в наше сознание...» [10, с. 322]. В то же время эти образы не существуют независимо от общественных отношений, т. е. от повседневной жизни, а обусловлены событиями, в которых мы участвовали. Хотя «последовательность наших воспоминаний принадлежит только нам... есть основания считать, что у нас не устранен всякий контакт с обществом; мы артикулируем слова, понимаем их смысл...» [10, с. 322, 324].

Следует констатировать, что сохранение и реконструкцию прошлого необходимо рассматривать, прежде всего, на индивидуальном уровне [8, с. 13], подтверждая тем самым позицию французского ученого, согласно которой носителем коллективной памяти изначально является конкретный индивид. Считаем целесообразным, опираясь на приведенные в статье рассуждения, оценить с позиций идеалов духовной культуры роль воспоминаний близких – участников войны и подтвердить сделанные выводы о роли индивидуальной памяти в становлении ценностных установок молодого человека.

Мое личное восприятие воспоминаний о войне сложилось на основе рассказов-откровений, приведенных ниже в виде коротких строчек. Рассказ отца о первом бое на Ленинградском фронте сразу после выгрузки из эшелона для ребенка, знакомого с войной по параграфам учебника, максимально достоверно передал атмосферу тяжелого ратного труда и эмоционального со-

стояния молодых необстрелянных бойцов. Это произвело тогда сильное впечатление, определив на годы личную позицию о суровой не Книжной жизненной правде. Атмосфера госпиталей, благодарное чувство к медперсоналу ярко передали ощущение и боли, и радости сопровождаемого напутственными словами врача выздоровления. Затем рассказ матери о фронтовом Сталинграде, картине ночных переходов по Волге, опасности бомбардировок речных судов, о минных полях в осажденном городе и транспортировке в медсанбаты тяжелораненых солдат. Далее рассказ родных о трагической гибели дяди под Сталинградом, его похоронка, которую ты держишь в руках, вызвали чувство горечи о беспощадности войны, стремительности и неоправданной гибели молодого человека. Затем воспоминания бабушки о жизни тыла в условиях одной из саратовских деревень сделали слушателя настоящим участником тяжелого, на грани выживания быта стариков, женщин, детей.

Пережитые диалоги помогли увидеть подлинность фронтовой обстановки, дополнить ее в дальнейшем рассказами ветеранов, чтением книг, просмотром фильмов. Весь спектр впечатлений, личных переживаний, полученных в детстве, дал возможность понять и глубоко ощутить время, людей, стать солидарным с ними. Только потом, после со-бытия прошлому стала и понятной, и логичной цепочка исторических фактов, изложенных в учебниках. Таким начинает формироваться понимание вчерашнего и сегодняшнего дня, взглядов современников, чьи родственники участвовали в боях за Родину, Бессмертного полка как по-настоящему общественного явления всероссийского масштаба.

Проведенный анализ пространства памяти, структуры его ценностно-смыслового содержания с позиций идеальной сферы позволяют поставить на первое место и признать значительную роль общения с близкими – участниками войны. Именно в личном общении идеалы духовной культуры осязаются и приобретают наивысшую ценность, воспринимаются по-настоящему, без фальши. Следовательно, для молодого человека рассказы близких – не рядовое явление, а ключевой момент, решительно влияющий на судьбу и позволяющий в дальнейшем объективно оценивать прошлое и настоящее. Анализ экзистенциального смысла пережитого в детстве и юности должен определять и формы диалога с молодежью, и характер информационно-культурного взаимодействия, в котором, что следует особо подчеркнуть, семья занимает центральное место. Изначально в семейном воспитании начинают формироваться пространство памяти и сфера

образования человека. Таким образом, живая память об исторических событиях, сопереживание, интерпретация личного общения в новые смыслы и устойчивые убеждения формируют личность, дают возможность ясно мыслить и оценивать актуальные проблемы Войны и Мира.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски» № 20-311-70023).

Список литературы

1. Данилов С. А. Эксперты мира сего и политические стратегии глобального общества // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 95–101.
2. Ручин В. А. Образование, воспитание и социализация: сходство и различие понятий // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 35–41.
3. Орлов М. О. Социальная динамика глобального мира. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. 256 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопр. философии. 1986. № 3. С. 101–116.
5. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 631–990.
6. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170.
7. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63–176.
8. Аникин Д. А. Динамика исторической памяти: между континуальностью и дискретностью // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. / под ред. А. А. Линченко. Саратов: Издательский центр «Наука», 2017. С. 10–18.
9. Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина М.: Новое изд-во, 2007. С. 7–24.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Образец для цитирования:

Ручин В. А. Образовательный аспект пространства памяти // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-159-163>

Educational Aspect of Memory Space

V. A. Ruchin

Vladimir A. Ruchin, <https://orcid.org/0000-0003-2638-3057>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, r-vl@yandex.ru

The article presents an analysis of the memory space from the standpoint of the ideal sphere of a person, as well as the role of flashbacks to the war in the formation of values. The focus of the analysis is on dialogue with youth. Direct communication of young men with their close people – participants in the war is essentially an irrational act that determines the specifics of the subsequent attitude to historical events and, most importantly, lays the foundations for identity. The existential meaning of this act is determined by the anthropological qualities of a man, the mechanism of his memory. The author made an attempt to single out a key element in this mechanism that establishes the connection between a person and society, where individual memory is irrational, internal, and social memory is rational, generally recognized. Identifying the boundary between the rational and the irrational allows us to approach the disclosure of the functioning conditions of both memory and education. Education and memory are intentional, inherent to any individual who, relying on them, implements the process of cognition of being. Inner being, self-existence is a special inner life of a

personality, which determines its perception of the world, expressed via the unity with other people. As a result of the analysis, it is concluded that social memory is the result of a special integration of personal experience and person's empathy to the social attitudes, including the problems of War and Peace.

Keywords: memory space, education, memory mechanism, inner being, individual and social memory.

Received: 05.02.2020 / Accepted: 20.02.2020 /
Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project "Religious socialization in the post-secular world: discursive practices and sociocultural risks" No. 20-311-70023).*

References

1. Danilov S. A. World experts and political strategies of global society. *Povolzhskiy torгово-ekonomicheskij zhurnal* [Volga Trade and Economic Journal], 2011, no. 1, pp. 95–101 (in Russian).

2. Ruchin V. A. Education, upbringing and socialization: similarity and difference of concepts. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 35–41 (in Russian).
3. Orlov M. O. *Sotsialnaya dinamika globalnogo mira* [Social Dynamics of the Global World]. Saratov, Izdatelskiy Tsentr “Nauka”, 2009. 256 p. (in Russian).
4. Husserl E. The crisis of European humanity and philosophy. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1986, no. 3, pp. 101–116 (in Russian).
5. Frank S. L. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu [The soul of a man. Experience of introduction to philosophical psychology]. In: *Frank S. L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The subject of knowledge. The soul of a man]. Minsk, Kharvest Publ., 2000, pp. 631–990 (in Russian).
6. Ustiantsev V. B. The Concept of Risk in the Problem Field of Social Sciences. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 165–170 (in Russian).
7. Heidegger M. Evropeyskiy nigilizm [European Nihilism]. In: *Vremya i bytiye. Stat'i i vystupleniya* [Time and Being. Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 63–176 (in Russian).
8. Anikin D. A. Dinamika istoricheskoy pamyati: mezhdru kontinualnostyu i diskretnostyu [Dynamics of Historical Memory: Between Continuity and Discreteness]. In: *Istoricheskaya pamyat v postnatsionalnom mire: mify ritualy reprezentatsii* [Historical Memory in the Post-National World: Myths, Rituals of Representation]. Ed. by A. A. Linchenko. Saratov, Izdatelskiy Tsentr “Nauka”, 2017, pp. 10–18 (in Russian).
9. Zenkin S. N. Moris Khalbvaks i sovremennyye gumanitarnyye nauki [Maurice Halbwax and modern humanities]. In: *Sotsialnyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Trans. from fr. and entry article S. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, pp. 7–24 (in Russian).
10. Halbwax M. *Sotsialnyye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Trans. from fr. and entry article by S. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (in Russian).

Cite this article as:

Ruchin V. A. Educational Aspect of Memory Space. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-159-163>